

ляет своего собеседника, что свидетельствует о текстовой реализации речевого значения глагола *correct*. Таким образом, как семантическая структура глагола, так и контекст указывают на его окказиональное речевое значение.

В составе ремарки текстуальное значение глаголов с неосновным значением речи всегда является речевым независимо от фиксации такового в лексикографических источниках. Большинство глаголов данного блока обладают богатым прагматическим потенциалом и служат средством меткой, образной, емкой характеристики говорящего лица и процесса говорения (рисунок).

Конструкция с ЧР

И. И. Комаристова

ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Термин *герменевтика* произошел от имени *Гермес* – посланник богов, который в древнегреческой мифологии был посредником между богами и простыми смертными; он должен был истолковывать людям повеления богов, а богам – просьбы людей.

Вначале термин *герменевтика* относился только к интерпретации (толкованию) библейских текстов. В Средневековье герменевтика была неразрывно связана с теологией, с толкованием сочинений «отцов церкви» (Б. Н. Бессонов). С IX в. этот термин используется в широком значении как искусство понимания текстов, как общая теория понимания и метод интерпретации произведений, в которых находит воплощение внутренняя жизнь, авторская интенция и индивидуальный опыт. Основными теоретиками герменевтики были философы Ф. Шлейермахер, Е. Д. Хирш, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер. В современной лингвистике и философии языка основными продолжателями идей герменевтики стали П. Грайс и Дж. Серль (И. И. Токарева).

Современная герменевтика как метод оформилась благодаря деятельности Х.-Г. Гадамера, особенно его работе «Истина и метод». Сам исследователь указывает, что во многом на развитие его научных идей повлиял М. Хайдеггер. Что касается основной задачи герменевтики, то «собственная проблематика понимания, попытка овладеть пониманием как искусством – это есть тема герменевтики» (Х.-Г. Гадамер).

Центральным понятием в концепции Х.-Г. Гадамера, призванным обеспечить понимание, является понятие герменевтического круга. Оно было унаследовано Х.-Г. Гадамером от М. Хайдеггера, в свою очередь переосмыслившего концепцию классической герменевтики, согласно которой текст как целое должен пониматься из его частей, а части – из целого. Х.-Г. Гадамер рассматривает «целое» в этой формуле как пред-понимание, пред-рассудок, пред-суждение, гипотезу о смысле всего текста, которая позволяет интерпретировать его части и одновременно подвергается в процессе интерпретации проверке (Х.-Г. Гадамер). «Понимание начинается с того, что нечто к нам обращается. Таково первейшее герменевтическое условие. Мы знаем теперь, что для этого требуется: принципиальное воздержание от собственных предсуждений. Однако, всякое воздержание от суждений – а, следовательно, и в первую очередь, от пред-суждений имеет, с логической точки зрения, структуру вопроса» (Х.-Г. Гадамер). Итак, начиная читать, интерпретатор всегда уже имеет определенное предварительное понимание текста (пред-понимание), детерминированное условиями, в которых он живет: семья, общество и т.д. Х.-Г. Гадамер отмечает, что «пред-рассудок не означает ложного суждения, он может быть оценен и положительно, и отрицательно» (Х.-Г. Гадамер). Исследователь отмечает, что эти пред-рассудки неизбежны, они коренятся в объективных исторических условиях. Соответственно, задача интерпретатора не в том, чтобы отбросить эти пред-рассудки, а в том, чтобы их осознать, так как тот, кто, «полагаясь на объективность своих методов и отрицая свою собственную историческую обусловленность, мнит себя свободным от пред-рассудков, тот испытывает на себе могущество этих предрассудков, господствующих над ним без всякого контроля с его стороны» (Х.-Г. Гадамер). Таким образом, Х.-Г. Гадамер указывает, что для того, чтобы истолковать текст, необходимо понимать историческую ситуацию, обстоятельства, т.е. «вжиться в текст»: «Всякое толкование должно привести себя в соответствие с той герменевтической ситуацией, которой оно принадлежит» (Х.-Г. Гадамер).

Наибольший интерес для нас представляет предложенная Х.-Г. Гадамером интерпретация известных в классической герменевтике процедур: понимания, истолкования и применения. Ученый показывает, что наряду с пониманием и истолкованием, которые традиционно рассматривались как внутренний и внешний аспекты понимания, феномен понимания включает в качестве необходимого и момент применения понимаемого к наличной ситуации: «Применение оказалось не соотношением чего-то всеобщего, данного заранее, с той или иной особенной ситуацией. Интерпретатор, имеющий дело с преданием, стремится его апплицировать. Но это вовсе не значит, что дошедший до него текст дан ему и понят им как нечто всеобщее и затем лишь используется как применение к особенному. Напротив, интерпретатор ни к чему иному не стремится, как именно понять это всеобщее (текст), то есть понять то, что говорит предание, то, что составляет смысл и значение текста. Но чтобы понять это, он не должен абстрагироваться от самого себя

и от конкретной герменевтической ситуации, в которой он находится. Он должен связать текст с этой ситуацией, если он вообще хочет его понять» (Х.-Г. Гадамер). И все же центральным моментом в процессе понимания автор считает истолкование, то есть «перевод» текста на язык, наличный у понимающего в момент понимания: «Благодаря истолкованию текст должен обрести язык. Но никакой текст, никакая книга вообще не говорят, если они не говорят на языке, способном дойти до их читателя. Поэтому истолкование должно найти правильный язык, если оно действительно хочет помочь тексту заговорить» (Х.-Г. Гадамер). Однако этот «правильный язык» – не язык текста, а язык, на котором могут говорить как текст, так и интерпретатор. Теоретики герменевтики отмечают, что герменевтика – истолкование того или иного явления, опирающееся на разнообразные дискурсы и типы знания, субъектом которого является отдельная личность (П. Рикер). Именно в сознании читателя осуществляется работа со смыслом и временем (имеется в виду время написания текста и время его прочтения). «Подлинное понимание требует учета исторической дистанции между интерпретатором и текстом, всех исторических обстоятельств, которые непосредственно или опосредованно их связывают, что не только не затрудняет, а, напротив, способствует процессу понимания истории» (Х.-Г. Гадамер). Поскольку любой текст имеет своего автора, то возникает вопрос о том, какую роль играет он сам при работе исследователя со смыслом: «Художник, создающий образ, не является его признанным интерпретатором. В качестве интерпретатора он не является высшим авторитетом, не имеет никакого принципиального преимущества перед реципиентом, поскольку он сам себя осмысливает, он выступает как собственный читатель» (Х.-Г. Гадамер).

Таким образом, процесс «вживания в текст» оказывается детерминированным не только фактом принадлежности интерпретатора к определенной культуре, но и зависит от его эрудиции, которая, в свою очередь, определяется социальной принадлежностью интерпретатора.

Однако возникает вопрос о том, в чем именно заключается роль интерпретатора, каково отношение между самим интерпретатором и интерпретируемым им «объектом». Ответ на этот вопрос позволяет постичь суть герменевтического подхода, которую авторы видят в том, что при герменевтическом подходе аналитик представляет себя в роли говорящего: он спрашивает себя, что бы он подумал, почувствовал, если бы он сказал то, что было сказано (W. Brennschull). Герменевтический метод основан на способности исследователя самому совершить наблюдаемые действия (K. Liberman). Герменевтика утверждает, что существует качественное различие между естественнонаучными методами и методами гуманитарных наук. Если естественнонаучные методы включают только один тип сознания, сознание исследователя, то гуманитарные науки включают сознание как исследователя, так и исследуемого объекта. Связь между этими сознаниями осуществляется через понимание: ученый, который берется описывать группу человеческих существ и не владеет способностью понимать их, не способен описать эти человеческие существа. Соответственно, гуманитарные науки должны

строиться на знании агента, а не наблюдателя (Е. Itkonen). В частности, Х.-Г. Гадамер пишет о роли исследователя при герменевтическом подходе следующим образом: «Понять текст всегда означает применить его к нам самим, сознавая, что всякий текст, хотя его всегда можно понять иначе, остается тем же самым текстом, лишь раскрывающимся нам по-разному. Тем самым ни в малейшей мере не релятивизируется притязание на истинность, выдвигаемое истолкованием»; более того, «интерпретатор не в состоянии полностью воплотить идеал собственного неучастия». Но необходимо правильно относиться к роли интерпретатора, так как понимание того, что говорит кто-либо, связано, прежде всего, с пониманием того, что говорится, а уже потом, во вторую очередь, с возможностью разобраться в том, что подразумевает говорящий (Х.-Г. Гадамер). Таким образом, задачей герменевтического подхода является проникновение в сознание коммуникантов и стремление понять то, что не доступно самим коммуникантам. Именно поэтому герменевтический подход представляется нам эффективным в целях интерпретации «следов» культуры посредством «вживания в текст».

Н. А. Копачева

КОММУНИКАТИВНО-НОМИНАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВ ШИРОКОЙ СЕМАНТИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРВЬЮ

Исследование слов широкой семантики получило достаточное освещение в работах разных авторов. В большинстве из них внимание исследователей в основном сконцентрировано на их лексическом аспекте. Но понятие широкосемантности многоаспектно, кроме лексического значения слова с широкой семантикой выполняют важные структурно-грамматическую и коммуникативно-номинативную функции.

В настоящем исследовании делается попытка проанализировать функционирование слов типа *stuff*, *thing* в номинативно-коммуникативном аспекте в медийном дискурсе на материале интервью Д. Трампа газете “Washington Post” с целью изучения использования этих слов в речевом поведении известного политика в условиях спонтанной непринужденной речи.

В лингвистике существует мнение, что само наличие и масштабы широкосемантности в определенном языке находятся в прямой зависимости от его типологической характеристики. В частности считается, что во флективных языках слов широкой семантики меньше, чем в аналитических. Высказывается и другое мнение, согласно которому широкосемантность в одинаковой степени характерна для языков как аналитического, так и синтетического типа. В подтверждение этой точки зрения следует отметить широкое функционирование таких слов, как *вещь*, *штука*, *предмет*, в русском языке, который является языком синтетического строя. Вполне понятно, что в аналитических языках, ввиду отсутствия достаточных морфологических признаков, возрастает роль синтаксиса и потребность в словах с широкой понятийной основой для структурной и семантической организации предложения.